

Зуев В.Ю.

О ПУТЯХ РЕШЕНИЯ «ПРОБЛЕМЫ III В. ДО Н.Э.» В ПЕРИОДИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ

Zuev V.Yu. About the ways of solving «the problem of the III-rd century B.C.» in the periodization of archaeological monuments of the Sarmatian Age.

Changing of the date of the Prohorov burial mounds made not only reconsider the question of the basis of the relative and absolute date of the monuments of the Prohorov culture but also made the problem of the III century B.C. in the Sarmatian archaeology topical. The essence of this problem consists in the fact that among the monuments of early nomads of the South Urals area we cannot single out those that are definitely dated by the III-rd c B.C. This conclusion is grounded today by a number of researchers, the author of the article inclusive. In my works I suggested the conception of a discrete development of the cultures of early nomads of this region. However, some researchers still prefer the traditional conception of continuous development of the «early Sarmatian culture» and try to fill the gap of the III-rd c.B.C. In particular, this path is taken by V.M.Klepikov and A.S.Skripkin, and by doing this they subject to revision their earlier conclusions. However, the analysis of the suggested solution made by the author reveals its groundless III c B.C. still must be completely excluded from the chronology of monuments of early nomads of South Urals region.

Проведенная в 1997-1998 гг. источниковедческая работа, посвященная анализу археологических комплексов Прохоровского курганного могильника, привела к новому распределению погребального инвентаря и к передатировке этого памятника, состоявшего, как выяснилось, из двух разновременных групп курганов - северной (рубежа V-IV вв. до н.э.) и южной (конца II-I вв. до н.э.) (Зуев 1998: 26-29; Зуев 1998а: 143-150; Зуев 1998б: 45-50; Зуев 1999: 24; Зуев 1999а). Передатировка эпонимного памятника раннесарматской культуры потребовала ответа на вопрос: на каких основаниях вообще построена традиционная относительная и абсолютная датировка памятников прохоровской культуры? Поиски ответа на этот вопрос актуализировали в сарматской археологии «проблему III в. до н.э.», которая была намечена ранее в работах А. С. Скрипкина и С. В. Полина (Скрипкин 1990: 105-117; Скрипкин 1992: 46; Скрипкин 1992а: 3-24; Скрипкин 1994:28-31; Скрипкин 1994а: 14-19; Полин 1992: 200). «Проблема III в. до н.э.» - чисто археологическая проблема. Суть ее сводит-ся к тому, что мы не можем выделить среди памятников ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья те из них, которые можно обоснованно и надежно датировать III в. до н.э.

С такой постановкой этой проблемы согласны все сарматологи. Споры и разногласия возникают лишь при попытках объяснения этого факта, как в сугубо археологической плоскости,

так и на уровне исторической интерпретации данного явления.

Обращаясь к истории изучения сарматских памятников, можно хорошо проследить, как проблема выделения памятников III в. до н.э. решалась в прошлом и сколько таких памятников вообще выделялось в системе периодизации «савромато-сарматских» древностей.

Намечая основные этапы эволюции единой савромато-сарматской культуры Поволжья и Приуралья, Б. Н. Граков датировал Прохоровские курганы Ш-I вв. до н. э., а всю определяемую этим памятником культуру - IV-II вв. до н.э. Высказывая мнение о том, что прохоровский «могильник, исчерпанный полностью, заключал почти одно-временные погребения» (Граков 1947:118), Граков опирался на мнение М. И. Ростовцева. При этом он не задавался вообще вопросом о количестве памятников этого времени в Поволжье и Приуралье.

Готовя к изданию в 1963 г. Свод памятников прохоровской культуры, М. Г. Мошкова разделила все известные ей памятники на три хронологические группы (IV, IV-III и III-II вв. до н.э.). Наиболее ранних памятников прохоровской культуры IV в. до н.э. в своде 1963 г. значится сорок шесть (Мошкова 1963: 17-18). К числу памятников IV-III в. до н.э. Мошкова отнесла семьдесят одно погребение, в число которых она включила все прохоровские курганы, удревнив этот памятник почти на столетие, по сравне-

нию с датировками М. И. Ростовцева и Б. Н. Гракова (Мошкова 1963: 18). К третьей группе памятников III—II вв. до н.э. она отнесла триста сорок шесть комплексов (Мошкова 1963: 8). Интересна картина соотношения памятников по трем указанным периодам в регионах Поволжья и Приуралья, какой она получалась поданным Мошковой.

регион\время	IV	IV—III	III—II	Итого
Приуралье	37	35	20	92
Поволжье	9	36	326	371
Итого	46	71	346	463

Эта статистика была использована М. Г. Мошковой для доказательства тезиса о зарождении прохоровской культуры в Приуралье и ее последующем распространении в Поволжье, начиная с III в. до н.э. Однако диспропорции между распределением памятников единой прохоровской культуры Поволжья и Приуралья не могут не вызвать удивления, поскольку памятники третьей хронологической группы, по признанию самой Мошковой, в подавляющем своем числе относятся ко II в. до н.э.

С годами статистический разрыв между памятниками, датированными IV—III и III—II вв. до н.э., только увеличивался (Полин 1992: 20Q). В 1997 г. А. С. Скрипкин констатировал, что для региона Поволжья и Подонья статистика Мошковой пропорционально должна быть изменена в сторону еще большего уменьшения памятников IV—III вв. до н.э. «Что касается ранних погребений, - пишет он, - то их число должно быть, видимо, меньшим, так как в отдельных случаях датировка в рамках этого времени (IV—III вв. до н.э. - В. 3.) проблематична, в других - ранние даты определены на основании нахождения в них бронзовых наконечников, или сочетанием бронзовых и железных наконечников, или железных втульчатых, или железных трехлопастных с длинными черешками. Не во всех случаях эти находки могут абсолютно гарантировать ранний возраст комплексов в рамках прохоровской культуры» (Скрипкин 1997: 17).

Проделав самостоятельное статистическое исследование памятников прохоровской культуры, А. С. Скрипкин пришел к выводам, абсолютно пересматривающим их периодизацию. В отличие от Мошковой, он выделил в истории раннесарматской культуры два периода: IV—III и III вв. до н.э., — оговаривая при этом, что второй период фактически охватывает лишь памятники II—I вв. до н.э., а III век присутствует в его периодизации дважды лишь условно¹. По

¹ Скрипкин 1997а: 45. Любопытно отметить, что ученик и соавтор Скрипкина - В. М. Клепиков в своем автореферате 1998 г. прямо указывает, что Скрипкиным «предложено выделение в рамках этой культуры двух периодов, датируемых IV—III и II вв. до н.э.» (Клепиков 1998: 6).

общим подсчетам Скрипкина, к 1997 г. науке известно на территории от Дона до Приуралья более двух тысяч памятников прохоровской культуры IV—I вв. до н.э., из которых более полутора тысяч памятников должны датироваться временем II—I вв. до н.э. Определить более точно пропорцию памятников IV—III и II—I вв. до н.э. должна была статистическая работа Б. Ф. Железчикова, с которой он, к сожалению, не справился. В опубликованной им Базе данных по погребальным памятникам Азиатской Сарматии IV—III вв. до н.э. Железчиков привел данные о 462 памятниках IV—III вв. до н.э. Не разделяя никак эти памятники, он ограничился лишь заявлением о том, что «памятники III в. до н.э. несомненно есть» (Железчиков 1997: 43). Однако проведенный мною критический анализ Базы данных Железчикова вскрыл в ней сотни ошибок и грубейших искажений исходных данных. Выяснилось, в частности, что в Базу данных для увеличения числа памятников Железчиков ввел комплексы VI, V, II, I вв. до н.э. и даже первых трех веков н.э. (Зуев 1998в: 42). Следует также отметить, что для решения проблемы III в. до н.э. статистическое исследование Железчикова ничего не могло дать изначально, поскольку еще в предисловии к нему он признается читателям, что не «в состоянии выделить памятники III в. до н.э.» из контекста древностей VI—II вв. до н.э. (Железчиков 1997: 43).

Такова в основных ее вехах история возникновения «проблемы III в. до н.э.» в сарматской археологии. Современное положение науки определяется возникшими практически одновременно двумя противоположными тенденциями, которые, подобно векторам, задают разные направления, намечающие пути решения данной проблемы.

В своих работах по хронологии прохоровской культуры я выступаю за констатацию полного отсутствия памятников III - первой половины II вв. до н.э. в Волго-Уральском регионе, называя этот период разграничительным между «скифской» и «сарматской» эпохами (Зуев 1998б: 45-50). Для памятников V—IV вв. до н.э. Южного Приуралья я предлагаю ввести новое определение - памятники филипповской культуры, которая прекращает свое существование на рубеже IV—III вв. до н.э. Памятники собственно прохоровской культуры я предлагаю датировать временем последней трети II—I вв. до н.э. Хронологический хиатус между памятниками филипповской и прохоровской культур, на мой взгляд, опровергает господствующую в нашей литературе гипотезу эволюционного развития единой «савромато-сарматской» общности Поволжья и Приуралья. На смену ей должна придти концепция дискретного хронологического напластования культур ранних кочевников центральной части степной Евразии, которая должна базироваться на признании большой роли миграционных процессов в генезисе этих культур. Историческая интерпретация «темного» (с

археологической точки зрения) периода II-I вв. до н.э. имеет в этом отношении ряд перспектив, о которых следует говорить подробно в другой работе.

Следует особо подчеркнуть, что, пока прохоровские курганы датировались совокупно рубежом IV-III вв. до н.э., у сторонников традиционной периодизации существовали достаточно убедительные объяснения археологической и исторической ситуации, сложившейся в центральной части Евразийских степей к началу III в. до н.э. Небольшое число памятников, типологически сходных с прохоровскими курганами, считалось памятниками рубежа IV-III и III вв. до н.э. Этими памятниками определялся момент окончательного формирования раннесарматской (прохоровской) культуры, которая, по мнению ряда исследователей, до этого «вызревала» в недрах предшествующей «савроматской» культуры, начиная с рубежа VI-V вв. до н.э. Небольшое число памятников IV-III вв. до н.э. в районе Южного Урала (и их полное отсутствие в III в. до н.э.) объяснялось исследователями в историческом аспекте как свидетельство стремительного продвижения «сарматов-прохоровцев» в Нижнее Поволжье и далее на запад, где их подвижные, хорошо вооруженные новыми видами оружия отряды сокрушили скифские орды и уничтожили степную скифскую культуру².

Поскольку начало сарматской истории принято связывать с моментом вторжения сарматских племен в Скифию, то и существование археологической культуры «ранних сарматов» к востоку от Скифии по логике вроде бы должно было определяться синхронным этому завоеванию временем. И действительно, начиная от рубежа IV-III вв. до н.э., когда в степном Причерноморье практически исчезают памятники живших здесь кочевников, когда на греческих поселениях выявляются следы регресса и разрушений (Виноградов, Марченко, Рогов 1997: 93-103), когда в лесостепном Подонье на городищах находят десятки погибших (Медведев 1997: 50-66), мы имеем все «основания говорить о вторжении азиатских кочевников в Скифию. Существующая периодизация единой савромато-сарматской культуры заставляла исследователей видеть в этих пришельцах-сарматах исключительно носителей прохоровской археологической культуры. Но при таком раскладе исто-

рических сведений и археологических материалов постоянно оставался необъяснимым факт практически полного отсутствия памятников прохоровской культуры III в. до н.э. в Нижнем Поволжье, которое должно было быть не только первым обширным регионом, оккупированным южноуральскими «сарматами-прохоровцами» в начале этого бурного века, но и плацдармом их походов далее на запад.

Связанные с этим вопросом трудности и противоречия приводят сторонников версии прямого отождествления прохоровской культуры с самыми «ранними сарматами» к поиску косвенных решений «проблемы III в. до н.э.».

Это направление, альтернативное предложенному мной пути решения проблемы, нацелено на поиск памятников III в. до н.э. в Поволжье. Его разрабатывают в настоящее время волгоградские археологи А. С. Скрипкин и В. М. Клепиков. Следует отметить, что в этом отношении А. С. Скрипкин, сделавший очень много для постановки «проблемы III в. до н.э.», явно идет по пути ревизии собственных взглядов, о чем еще будет речь. В качестве альтернативы он избрал разработки по хронологии памятников IV-III вв. до н.э. Подонья и Поволжья, предложенные в специальной диссертационной работе В. М. Клепиковым (Клепиков 1998: 26). Вот что пишут они об основном противоречии современной реконструкции ранней сарматской истории, которая непосредственно связана с археологической «проблемой III в. до н.э.»:

«Вероятная гипотеза о сарматском вторжении <в Скифию> имеет два уязвимых пункта. Во-первых, пребывание сарматов в Северном Причерноморье, начиная с первой половины III в. до н.э., не фиксируется археологически; во-вторых, сами раннесарматские памятники III в. до н.э. на их исконной территории достаточно убедительно не выделены, традиционно их датируют IV-III вв. до н.э. или III-II вв. до н.э., либо III-I вв. до н.э.

...Сложность второй проблемы заключается в отсутствии опорных памятников III в. до н.э., с которыми можно было бы сопоставить сарматские погребальные комплексы, а также отсутствием в самих комплексах категорий вещей, убедительно датируемых этим временем. И все же в настоящее время можно попытаться выделить сарматские памятники III в. до н.э. на основе встречаемости в погребениях вещей, с одной стороны, которые уже не встречаются в памятниках II-I вв. до н.э., а с другой - появление которых может быть датировано не ранее III в. до н.э. В первом случае следует, прежде всего, учитывать бронзовые наконечники стрел, широко представленные в савроматских и в раннепрохоровских погребениях и практически не встречающихся в памятниках, ч^тко датируемых II-I вв. до н.э. (выделено мной - В. З.). Бронзовые ворворки, служившие, вероятно, окончаниями портупейных рем-

² Вот как описывает эту ситуацию для восточного Приуралья А.Х.Пшеничнюк: «Среди памятников юго-восточной Башкирии не известно ни одного погребения развитой прохоровской культуры. Примерно на рубеже IV-III вв. до н.э. все известные могильники прекращают свое существование. Подобная картина характерна и для могильников восточного Оренбуржья. Эти факты, как отмечает М. Г. Мошкова, свидетельствуют об отливе сарматского населения на запад» (Пшеничнюк. 1983: 130). Об «отливе сарматского населения на запад» см. также: Мошкова. 1972: 72; Мошкова. 1997: 67-78.

ней, известны в памятниках того же времени, что и бронзовые наконечники стрел, и со II в. до н.э. они также не встречаются. То же самое можно сказать о глиняной посуде с примесью талька в тесте. К другой группе вещей, начинающих встречаться, как правило, не ранее III в. до н.э., относятся мечи с прямым перекрестьем и серповидным навершием, железные черешковые наконечники стрел, зеркала с валиком по краю диска и ручкой-штырем, костяные полированные проколки, лепные горшки с орнаментом в виде вертикальных пучков линий. С III в. до н.э. получают распространение стеклянные бусы с внутренней позолотой и гешировые дисковидные бусы. В данном случае речь идет о более или менее массовом распространении этих категорий вещей, не исключено, что отдельные их находки могут датироваться и более ранним временем.

Следует также отметить полное отсутствие гробовищ в погребениях IV в. до н.э. в Нижнем Поволжье, причем в погребениях с набором бронзовых и железных черешковых наконечников стрел и другими сочетаниями вещей, дающих вероятную дату III в. до н.э., они достаточно хорошо известны.

...Эти погребальные комплексы характеризуются всеми основными чертами сложившейся раннесарматской культуры. Незначительное число вещей-определителей и еще меньшая вероятность их нахождения вместе делает выборку погребений, датируемых III в. до н.э., относительно небольшой. Однако следует подчеркнуть такой немаловажный факт, **как нахождение этих погребений, в отличие от комплексов IV в. до н.э., вместе со многими другими погребениями раннесарматской культуры в одном кургане, но зачастую датируемых совокупно III в. до н.э. Вероятно, какая-то часть их должна относиться только к III в. до н.э.** (выделено мной - В. З.)» (Клепиков, Скрипкин 1997:32-33).

Констатируя невозможность прямого выделения памятников III в. до н.э. А. С. Скрипкин и В. М. Клепиков предложили методику косвенного выделения таких памятников методом «зажатых» датировок. Суть методики сводится к тому, что необходимо выделить в памятниках II в. до н.э. такие признаки, которые были бы характерны и для комплексов IV в. до н.э. Затем должны быть определены те признаки, которых нет в памятниках IV в. до н.э., но которые уже представлены в комплексах II в. до н.э. Взаимная корреляция этих двух групп признаков является, по мысли В. М. Клепикова (написавшего под руководством А. С. Скрипкина диссертационное исследование на эту тему) надежным критерием, на основании которого можно выделить памятники III в. до н.э.

Метод «зажатых» датировок для поиска памятников III в. до н.э. можно образно назвать методом поиска черной кошки в темной комна-

те при условии, что этой кошки может и не быть там вовсе. Ведь процесс зажатия датировки археологических памятников по методике, которую предлагает В. М. Клепиков, возможен только при одном условии. Мы должны быть абсолютно уверены в том, что памятники IV и II вв. до н.э. принадлежат единой культуре, которая непрерывно существовала и развивалась на всем протяжении данного отрезка времени. В историческом аспекте это означает, что мы должны быть абсолютно уверены в том, что на протяжении трехсотлетней истории (начиная с IV в. до н.э.) более десяти поколений кочевников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья сохраняли единый этносоциальный организм с присущими ему культурными традициями, которые, эволюционно видоизменяясь во времени, не пресекались на длительный срок. Без таких гарантий все рассуждения о корреляции пережиточных и новационных признаков не могут доказать главного - в данном случае, существования памятников III в. до н.э. как продолжающих традицию предшествующей культуры и являющихся прообразом для памятников последующих времен. При этом условии констатация факта, что мы не можем выявить надежных археологических следов жизнедеятельности четырех-пяти поколений, живших на протяжении III - первой половины II вв. до н.э. заставляет серьезно усомниться в реальности непрерывной линии культурной истории «ранних сармат-прохоровцев».

Проделанная В. М. Клепиковым работа по выявлению памятников III в. до н.э. дала следующие статистические результаты по Волго-Донскому и Заволжскому регионам. «Предложенная методика, - пишет он, - позволила выделить 72 комплекса из 51 кургана IV в. до н.э. и 62 комплекса из 41 кургана преимущественно III в. до н.э., **включая погребения, не имеющие «узкой» датировки, но стратиграфически определяемые как одновременные** (выделено мной - В. З.)» (Клепиков 1998: 16).

Следует отметить сразу же два момента, которые не могут не насторожить в данном серьезном вопросе. Во-первых, в автореферате диссертации В. М. Клепикова вообще не названо ни одного археологического комплекса - автор приводит только данные о количестве использованных в работе памятников, списки признаков-«хроноиндикаторов» и проценты их сражения. Ни одного памятника не определено в качестве примера, что вообще-то странно для археологической работы.

Во-вторых, общее число памятников III в. до н.э. определено автором не в результате исследования, проведенного по методу «зажатых» датировок, а на комбинации этого метода со стратиграфическими наблюдениями. Причем из автореферата Клепикова неясно, сколько же памятников он выделил при помощи своего метода, а сколько погребений в его выборке не

имеют «узкой» датировки, но стратиграфически определены как комплексы III в. до н.э. (кстати, в автореферате нет ни слова о том, как автор это делал).

Какую же картину в хронологическом разрезе мы имеем для территории Поволжского региона по результатам работ волгоградских исследователей? Если верить результатам их статистических исследований, то получается следующая пропорция. В Волго-Донском и Заволжском регионах выявлено более двухсот памятников VI-IV вв. до н.э.³ (из которых 71 погребение относится к IV в. до н.э.), шестьдесят два комплекса III в. до н.э. (с учетом точно недатируемого, численно неопределенного «стратиграфического довеска»), и более полутысячи погребений II-I вв. до н.э.⁴.

При всей условности этих цифр, картина получается впечатляющая. Выделенные при помощи косвенного «зажатия» дат памятники Поволжья III в. до н.э. образуют некое подобие узкого места стеклянной колбы песочных часов. Причем тоненькая нить, связующая, по предположению В. М. Клепикова и А. С. Скрипкина, памятники IV и II вв. до н.э. должна демонстрировать непрерывающееся единство «раннесарматской (прохоровской) культуры» данной эпохи в целом.

Посмотрим же визуально хотя бы на часть неуловимых «памятников III в. до н.э.», краткий список которых был опубликован этими авторами в 1997 г (Клепиков, Скрипкин 1997: 33). Они перечисляют следующие «памятники III в. до н.э.»: а) в Заволжье и б) в междуречье Волги и Дона:

а) Визенмиллер II. к. 4, п. 3 (Рыков 1926: 89-134); Усатово. к. Gj5, в. 11; Усатово. к. F 19, п. 2; Усатово. к. F 19, п. 3 (?); Усатово. к. F 19, п. 4 (?); Усатово. к. F 19, п. 5 (?) (Синицын 1947: 3-134); Ровное, к. 4, п. 15 (Синицын 1966: 3-62); Калиновка. к. 19, п. 17 (Шилов 1959: 323-523); Бережновка II. к. 14, п. 21; Бережновка II. к. 85, п. 2 (Синицын 1960: 10-168); Бережновка. Южная гр. к. 2, п. 11 (Синицын 1959: 39-205); Венгеловка. к. 2, п. 10; Венгеловка. к. 2, п. 11⁵; Эльтон, к. 13, п. 2; Торгунское. к. 1, п. 1⁶; Джангала (Сарайдин). к. 4 п. 2; Джангала (Сарайдин). к. 4 п. 3 (Синицын 1956: 87-139); Могута. к. 11, п. 2; Могу-

³ Железчиков 1994: 127. (В статистическом исследовании Железчикова выборочно использовано 199 комплексов VI—IV вв. до н.э., происходящих из Поволжья).

⁴ Скрипкин 1997: 132. (В статистическом исследовании Скрипкина с территории Заволжья, Правобережья Волги, Нижнего Дона и Калмыкии выборочно использовано 594 комплекса III-I вв. до н.э. За вычетом 62 комплексов III в. до н.э. мы имеем 532 памятника II-I вв. до н.э., отобранных для исследования. В действительности, по словам авторов, памятников VI—IV и II-I вв. до н.э. в регионе Поволжья значительно больше).

⁵ А. В. Лукашов. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1984 г. // Архив ИА РАН. P-I. № 10840.

⁶ А. В. Лукашов. Отчет о работе Заволжской археологической экспедиции ВГПИ за 1983 г. // Архив ИА РАН. P-I. № 9853.

та. к. 14, п. 2⁷; Кияковка. к. 4, п. 4⁸; Белокаменка. к. 1, п. 3; Белокаменка. к. 3, п. 7; Журов курган. п. 2⁹.

б) Терновский. к. 9, п. 7¹⁰; Старица, к. 4, п. 9; Старица, к. 42, п. 2; Старица, к. 42, п. 3¹¹; Кривая Лука XVI. к. 1, п. 11; Кривая Лука XVI. к. 1, п. 18; Кривая Лука XVI. к. 1, п. 20; Кривая Лука XVI. к. 6, п. 4¹².

Ознакомление с литературой показывает, что из двадцати трех упомянутых погребений III в. до н.э. Заволжья введено в научный оборот лишь тринадцать комплексов (три из которых вызывают сомнение в правильности датировки у самих авторов), семь комплексов описаны лишь в архивных отчетах, хранящихся в Институте археологии РАН и три комплекса известны лишь самим авторам, поскольку сведений о них нет даже в сводке по раннесарматской культуре 1997 г. (ПОК 1997). Из междуречья Волги и Дона ни одно из погребений III в. до н.э. (по В. М. Клепикову и А. С. Скрипкину) не опубликовано. Рассмотрим внимательнее доступный для анализа материал.

Визенмиллер II. Курган 4. Погребение 3. Погребение раскопано в 1925 г. экспедицией под руководством П. С. Рыкова. Опубликовано в 1926 г. описание не сопровождалось иллюстрациями. Сохранившиеся в Саратовском музее находки были зарисованы несколько десятилетий спустя и частично опубликованы в 1963 г. М. Г. Мошковой без каких-либо комментариев (Рыков 1926: 29-30; Мошкова 1963: 12. Рис. 6). Впускное погребение, частично потревожив основное центральное погребение № 2 скифской эпохи, было совершено в глубокой катакомбе. Стенки камеры были огорожены досками, которые создавали квадратный склеп. Он был разделен на три части двумя поставленными на ребро досками. Справа в склепе лежал костяк в липовом долбленном гробу в виде корыта, но с вделанными в него при помощи пазов дощатыми стенками в головах и ногах погребенного. Сверху гроб был покрыт тонкой липовой доской. Такой же гроб был и у второго покойника, лежавшего в левом отсеке. Оба покойника лежали на спине в вытянутом положении головами к югу. Оба костяка были мужскими, причем

⁷ А. С. Скрипкин. Отчет об археологических раскопках экспедиции ВГПИ в 1976 г. // Архив ИА РАН. P-I. № 6458.

⁸ Е. П. Мысков. Отчет о раскопках курганов у с. Кияковка Среднеахтубинского района Волгоградской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. P-I. № 10256.

⁹ Сведениями о том, где и когда раскапывались последние три комплекса, а также о том, где хранятся описания этих комплексов, я не располагаю.

¹⁰ Об этом комплексе мне также не удалось разыскать каких-либо сведений.

¹¹ В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. P-I. № 2155.

¹² Г. А. Федоров-Давыдов, В. В. Дворниченко, Н. В. Малиновская. Отчет о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области в 1974 г. // Архив ИА РАН, P-I. № 5315.

правый принадлежал пожилому мужчине, а левый - юноше. Правый погребенный имел у правой руки длинный железный меч (1 м) со стержневидной рукоятью без навершия и прямым перекрестьем (Рис. 1, 1). Меч был в деревянных ножнах, конец которых имел прямоугольный срез. Около меча, близ руки, лежали два костяных резных костылька для прикрепления к петлям ножен (Рис. 1, 4). Эти костыльки были ошибочно названы М. Г. Мошковой в 1963 г. «костяными колчанными застежками». У левой руки лежал нож, обломки бронзового тонкого зеркала в кожаном мешочке (Рис. 1, 2). У пояса - точильный цилиндрический камень (Рис. 1, 3). У левого бока лежал колчан со стрелами, длина которого достигала 0,7, ширина - 0,16 м. К колчану была прикреплена железная пластинка, помещавшаяся острым ребром вверх, благодаря которой часть древков стрел окислилась до твердости железа. Возможно, что здесь лежал

нож, часть которого была найдена у кисти руки (Рис. 1, 5). Бронзовые трехгранные наконечники лежали остриями к ногам погребенного (Рис. 1, 6). Один-два наконечника были железными трехгранными, черешковыми (Рис. 1, 7). Хвосты древков стрел имели вырез для тетивы, причем окрашены они были в красный цвет внутри выреза и в зеленый снаружи. Вторым (левым) покойным имел вдоль правой руки и ноги длинный железный меч также без навершия и с прямым перекрестьем. Меч дошел во фрагментах, и удалось лишь зафиксировать его длину — около 0,7 м (Рис. 1, 10). Вдоль левого бока погребенного лежал кожаный колчан длиной до 0,6 м, заполненный стрелами лишь с железными черешковыми наконечниками (Рис. 1, 9). Колчан крепился к поясу при помощи бронзовой восьмеркообразной пряжки, с перпендикулярным штырьком сверху (Рис. 1, 8). У левой кисти, судя по пятну ржавчины, лежал железный нож.

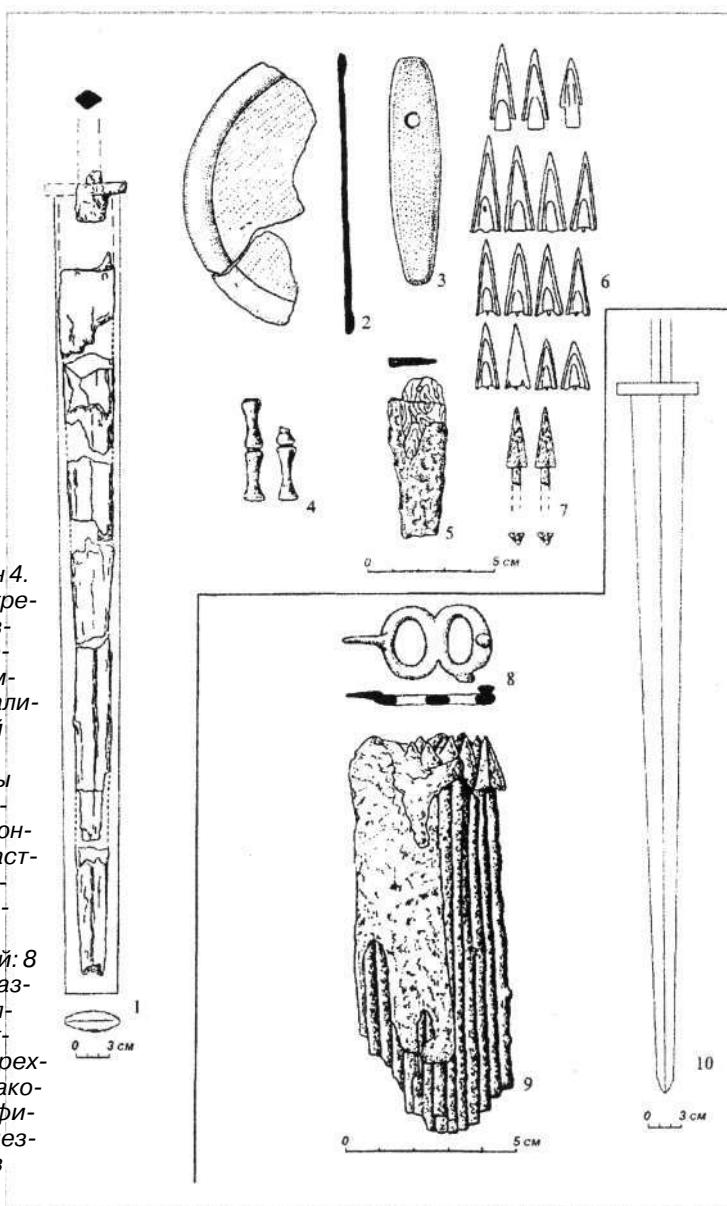
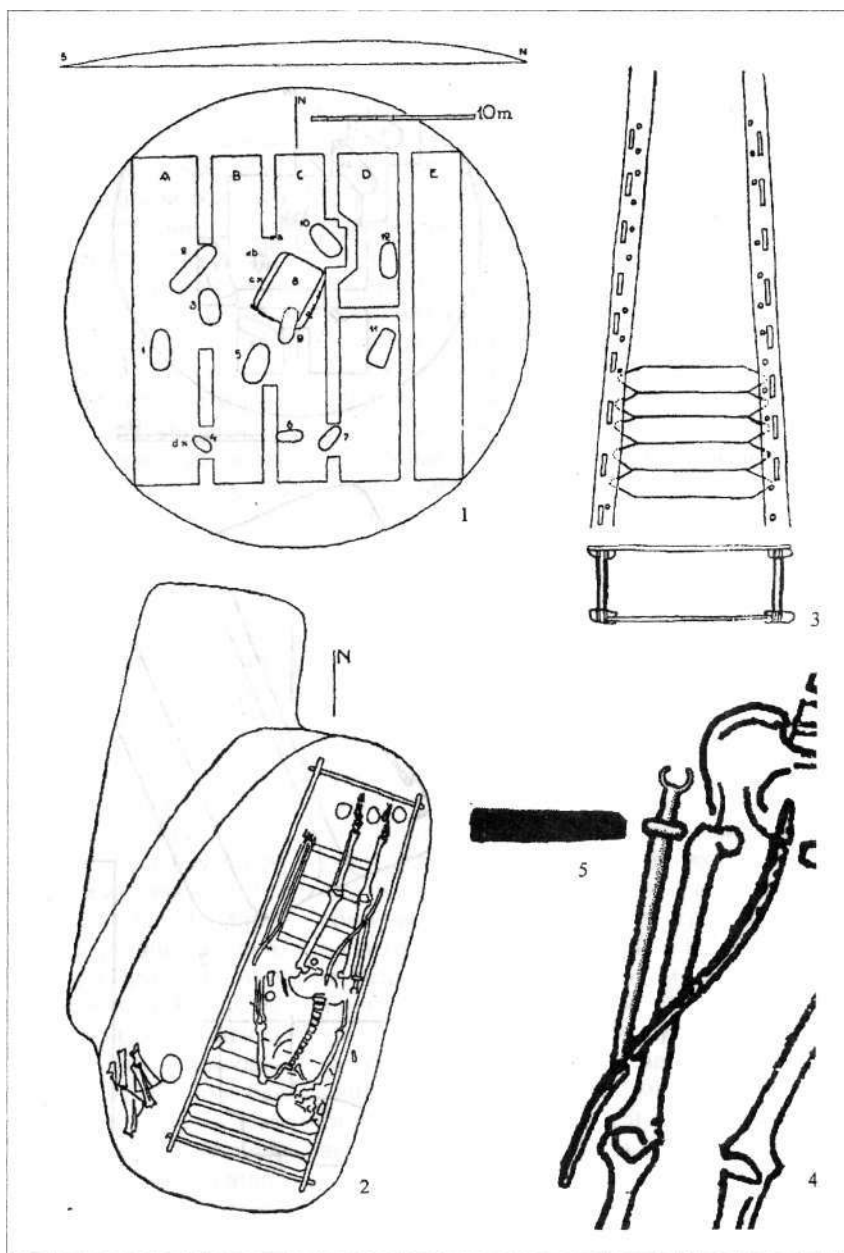

Рис. 1. Визенмиллер II. Курган 4. Погребение 3. Правый погребенный: 1 - длинный железный меч без навершия в деревянных ножнах; 2 - обломки бронзового зеркала с валиком по краю; 3 - точильный камень; 4 - костяные костыльки, крепившие ножны меча на портуpee; 5 - обломок железного ножа; 6 - бронзовые базисные трехлопастные наконечники стрел; 7 - железные трехгранные черешковые наконечники стрел. Левый погребенный: 8 - бронзовая восьмеркообразная пряжка, крепившая колчан к поясу воина; 9 - остатки колчана с железными трехгранными черешковыми наконечниками стрел; 10 - графическая реконструкция железного меча длиной 0,7 м без навершия.

Рис. 2. Усатово. Курган G 5. Погребение 11. 1 - план кургана; 2 - план катакомбы № 11; 3- графическая реконструкция П. Д. Рау гробов ища из данного погребения; 4 - схема расположения остатков лука, железного меча без перекрестья и костяной трубочки, лежавшей поверх меча в области перекрестья; 5 - полая костяная трубочка.

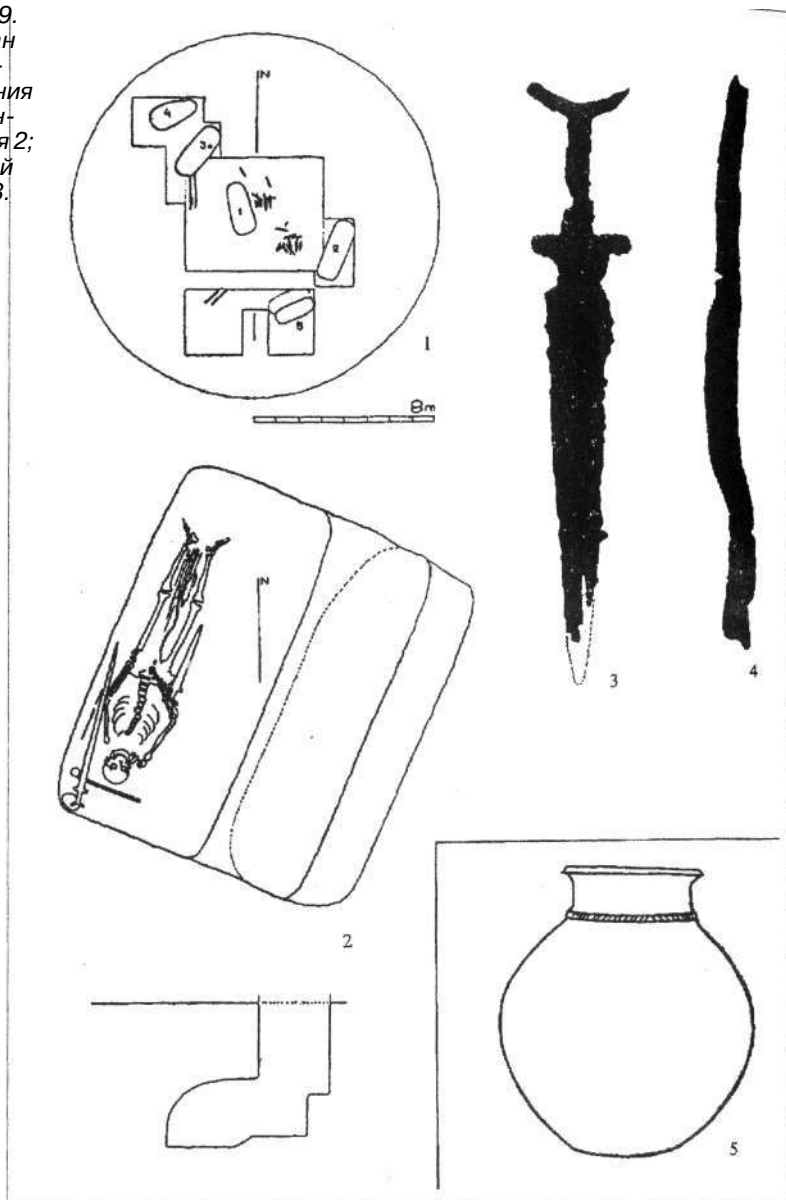
Вывод. Принципиальное значение имеет совстречаемость двух разных колчанов в одной катакомбе, которая указывает в сочетании с другими признаками на более молодой возраст всего комплекса. Во-первых, бронзовые наконечники найдены в гробовище вместе с обломками зеркала с валиком. Интересно также и то, что воин с бронзовыми наконечниками стрел был пожилей, а с железными наконечниками стрел - юноша. Во-вторых, мечи обоих погребенных имеют не прохоровскую, а типичную для I в. до н.э. форму клинков с перекрестьями, но без наверший. В-третьих, описанные Рыковым гробовища также весьма характерны для погребений II-I вв. до н.э.

Усатово. Курган G 5. Погребение 11. Курган был исследован в 1928 г. П. Д. Рау, материалы раскопок которого были изданы в 1947 г.

И. В. Синециным (Синецын 1947: 37-106). Следует отметить, что в распоряжении И. В. Синецына имелись лишь дневники и зарисовки, а также незначительная часть находок, сохранившаяся в Саратовском музее после самоубийства П. Д. Рау.

Погребение 11 было впускным (Рис. 2, 1). Погребение было совершено в катакомбе (Рис. 2, 2). На дне камеры лежал среди обломков деревянного гроба костяк подростка в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЮ. В гробу, около скелета, найдены следующие предметы: под правым предплечьем - обломки деревянной доски; под кистью правой руки и дальше к колену — железный кинжал с брусковидным перекрестьем и серповидным навершием (Рис. 2, 4). Длина кинжала - около 45 см. На перекрестье меча лежал полый костяной пред-

Рис. 3. Усатово. Курган F 19.
 1 - план кургана; 2 - план катакомбы; 3 - железный кинжал из погребения 2; 4 - фрагмент деревянного лука из погребения 2; 5 - сероглиняный лепной горшок из погребения 3.

мет (Рис. 2, 5) и рядом с ним камешек. У левого бедра найдены железное кольцо, обломки сильно окисленного железного предмета и железный нож с остатками костяной ручки. Под левой подвздошной костью - кусок серы и точилка. Рядом с головкой левого бедра - железное кольцо небольших размеров. Вдоль западной стенки гроба, на высоте ног, - пучок стрел: древки с железными трехперыми наконечниками. Длина стрел измерена в 0,62 м. Задние концы имеют утолщение и вырез для тетивы, часть этих шашек окрашена в цвет киновари. В области, где лежали сплошной кучей железные наконечники, находились также три трехгранные втульчатые бронзовые стрелки. В гробу остатки двух луков: один, из сплошного куска дерева, лежал на покойнике, ближе к восточной стороне гроба (Рис. 2, 4); другой склеен из двух слоев дерева и обтянут какой-то тонкой, темного цвета плен-

кой. Между гробом и восточной стенкой камеры лежало железное острие, которым была выкопана могила. В юго-западном углу камеры лежали кучкой бараньи кости: две лопатки и два предплечья и кучка желтого порошкообразного вещества/

Гроб, в котором был похоронен покойник, представлял собой прямоугольный плоский ящик 1,88 м в длину и 0,58 (в головах) и 0,47 м (в ногах) в ширину, бока и концы которого состояли из долевых досок, причем концевые входили одним шипом в соответствующие пазы боковых. На дне удалось зафиксировать поперечные дощечки, на некотором расстоянии впущенные заостренными концами в вырезы у нижнего ребра боковых стенок. В головной половине дощечки эти имели до 12 см ширины и 3-4 мм толщины. В северной половине гроба поперечные дощечки, образовавшие остов дна, были

гораздо уже, и соответственно с этим расстояние между ними было больше. На поперечных дощечках лежал слой продольных, остатки которых были чрезвычайно тонки (Рис. 2, 3). Под остатками дна лежал порошок мела. Не совсем выяснена конструкция верхней половины гроба и крышки. В грани верхних ребер боковых и концевых досок были впущены заостренные концы обструганных лозин, образовавших над долевой нижней частью гроба остов какого-то сооружения в виде шатра.

Вывод. Судя по рисунку П. Д. Рау (Рис. 2, 4), в этом погребении мог находиться и короткий кинжал со сломанным кольцевидным навершием. Такие же по конструкции деревянные гробовища были найдены в этом же кургане в погребениях 1, 2, 3, 5, 7, 10, 12, материалы которых не противоречат дате II-I вв. до н.э. Кроме того, И. В. Синецын справедливо указывает в предисловии к публикации материалов раскопок П. Д. Рау на то, что деревянные конструкции гробовищ, аналогичных найденному в данном погребении, хорошо зафиксированы при раскопках Кенкольского могильника (Синецын 1947: 13-14; Бернштам 1940: Табл. XXIII и др.; Заднепровский, Лубо-Лесниченко 1992: 53-55). Все это говорит в пользу отнесения этого погребения к числу памятников II-I вв. до н.э.

Усатово. Курган F 19. Погребения 2, 3, 4, 5. Курган был исследован в 1928 г. П. Д. Рау, материалы раскопок которого были изданы в 1947 г. И. В. Синецыным (Синецын 1947: 60-65). Интересующие нас погребения были впускными в курган с деревянным шатровым погребением из березовых плах скифской эпохи, сожженным на древнем горизонте, которое из-за сегментарной системы раскопок П. Д. Рау осталось недокопанным (Рис. 3, 1). Основное катакомбное погребение № 1 этого кургана относится к эпохе бронзы. Следует отметить, что в публикации В. М. Клепикова и А. С. Скрипкина погребения 3-5 этого кургана отнесены к памятникам III в. до н.э. условно, так как в датировке этих могил авторы остались неуверенными.

Погребение 2 было совершено в катакомбе. У задней стенки подбоя камеры лежал в долбленной колоде вытянутый костяк мужчины, головой на ЮЮЗ (Рис. 3, 2). Сверху колода была закрыта доской 6-8 мм толщины. Порода дерева не установлена. Дно подбоя посыпано мелом. В головах покойника лежали вне колоды кости овцы: передняя нога с лопаткой и рядом с ними кучка желтоватого порошкообразного вещества. Вокруг черепа скелета были рассыпаны мелкие кругловатые кусочки зеленой и синей краски. У правого плеча - небольшой кожаный мешочек, туго завязанный ремешком, хорошо сохранившийся благодаря выделению окиси содержащегося в нем медного предмета. Рядом с мешочком точильный брусок с начатой сверлиной, кусок мела и кусок реального.

Волох же угла колоды лежали рыхлые черепки рассыпавшегося глиняного сосуда, высота его - 6,8 см, диаметр горла - 5,7 см, дно - 3,5 см. Вдоль левого бока покойника лежал длинный меч сбрусковидным перекрестием и серповидным набалдашником. Общая длина меча - 107 см, ширина клинка - 5 см, высота ручки с перекрестием и набалдашником - 11 см, ширина перекрестия - 10 см, ширина рожков - 9,5 см. У правого бедра лежал кинжал того же типа, общая длина его 47 см, ширина клинка у перекрестия - 6,5 см (Рис. 3, 3). Рядом с его ручкой лежала кучка рыхлого светло-желтого вещества (сера? охра?), кусок кремня и точильный брусок со сверлиной. Между ног - пучок стрел с железными и бронзовыми трехгранными втульчатыми наконечниками, остриями к ступням. Длина древков стрел - 70 см, многие хорошей сохранности. На них деревянные части короткого составного лука (Рис. 3, 4). Общая длина лука не установлена, однако она не превышала 80 см. Рядом с луком, на стрелах же, - деревянная палочка с железным стержнем внутри. Под луком и стрелами лежала пила с деревянной ручкой, распавшаяся на куски.

Погребение 3 было совершено в яме. На дне лежал среди остатков деревянного гроба вытянутый скелет мужчины старческого возраста, головой на юго-запад. На костях замечены остатки березовых веток, лежавших вдоль. Под костями замечены остатки дощечек. В головах покойника - кости овцы: две передние ноги с лопатками. В южном углу могилы лежали обломки разрушенного сосуда, грубой работы, шаровидной формы, округлое дно (Рис. 3, 5). Высота его - 17,5 см, диаметр по верху - 10 см, дно - 7 см. У левой руки, в сурчине, два бронзовых трехгранных наконечника стрел, между ног еще два таких же наконечника. Пятый экземпляр найден выше костей, в засыпи ямы.

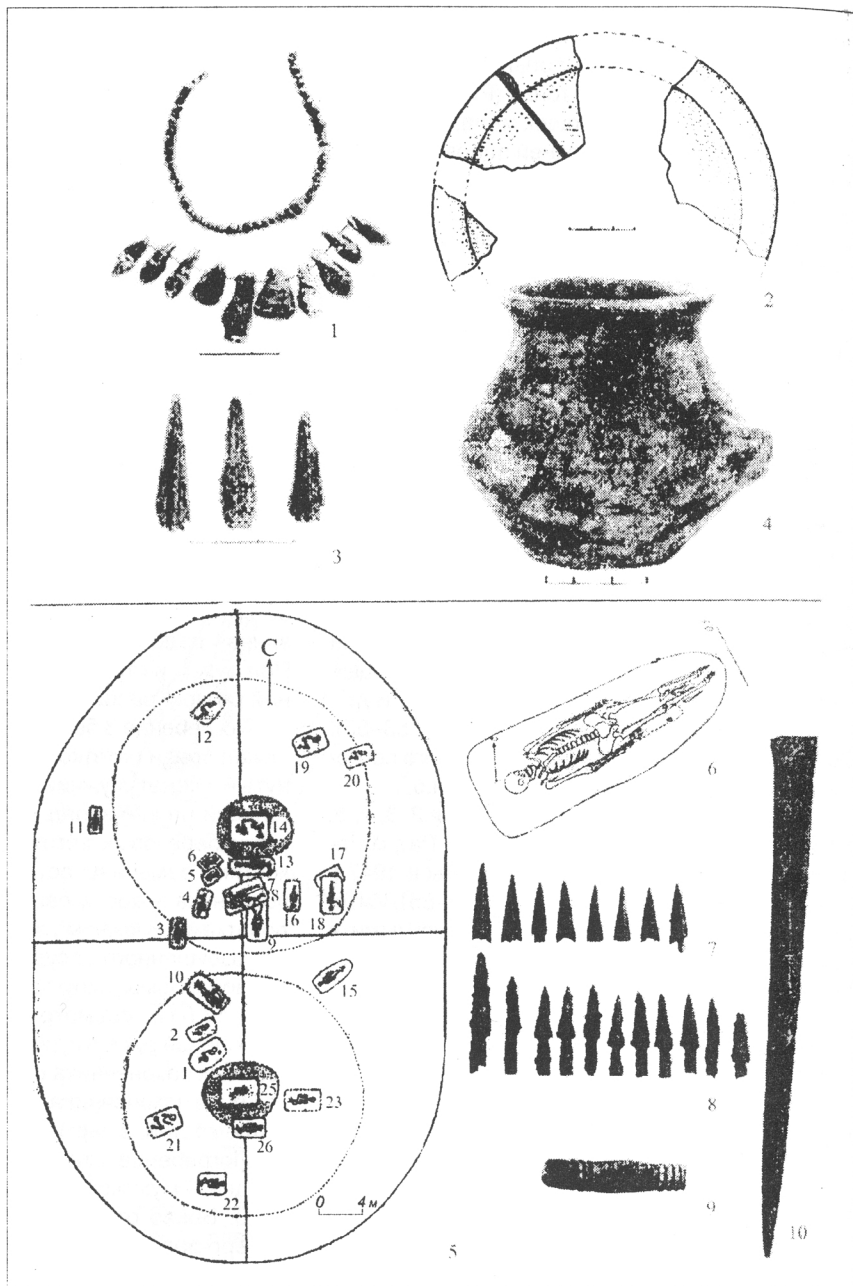
Погребение 4 также было совершено в яме. На дне - мужской костяк на спине, головой на ЮЗЗ. Влево от черепа, на дне могилы, вдоль северо-западной стенки, расположены кости овцы: ноги, лопатки. У правого колена лежал железный кинжал с прямым перекрестием и серповидным навершием. Общая длина кинжала - 0,32 м, клинок - 0,22 м. Рост покойника - 1,72 м. Возраст - 25-30 лет.

Погребение 5 было совершено в подбойной могиле. Подбой углублен в северную стенку. На дне подбоя - костяк ребенка головой на ЮЗЗ. В головах кости овцы: задняя нога, лопатки.

Вывод. Сохранившийся материал, опубликованный И. В. Синецыным, не дает никаких оснований для датировки всех погребений этого кургана III в. до н.э. Наконечники стрел из погребения 2 не дошли до наших дней. Облик короткого набедренного кинжала типичен для прохоровских форм, датирующихся рубежом II-I вв. до н.э.

Рис. 4. 1–4 – Бережновка II. Курган 85. Погребение 2. 1 – около 70 экземпляров бус разных типов; 2 – фрагменты бронзового зеркала с валиком по краю; 3 – бронзовые трехлопастные наконечники стрел; 4 – темно-серый лощеный сосуд с отбитой ручкой.

5–10 – Ровное. Курган 4. Погребение 15. 5 – план кургана; 6 – план погребения в яме № 15; 7 – восемь экземпляров бронзовых трехгранных втульчатых наконечников стрел; 8 – одиннадцать экземпляров железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел; 9 – костяная трубочка, орнаментированная нарезками; 10 – костяная проколка с заполированным острым концом.

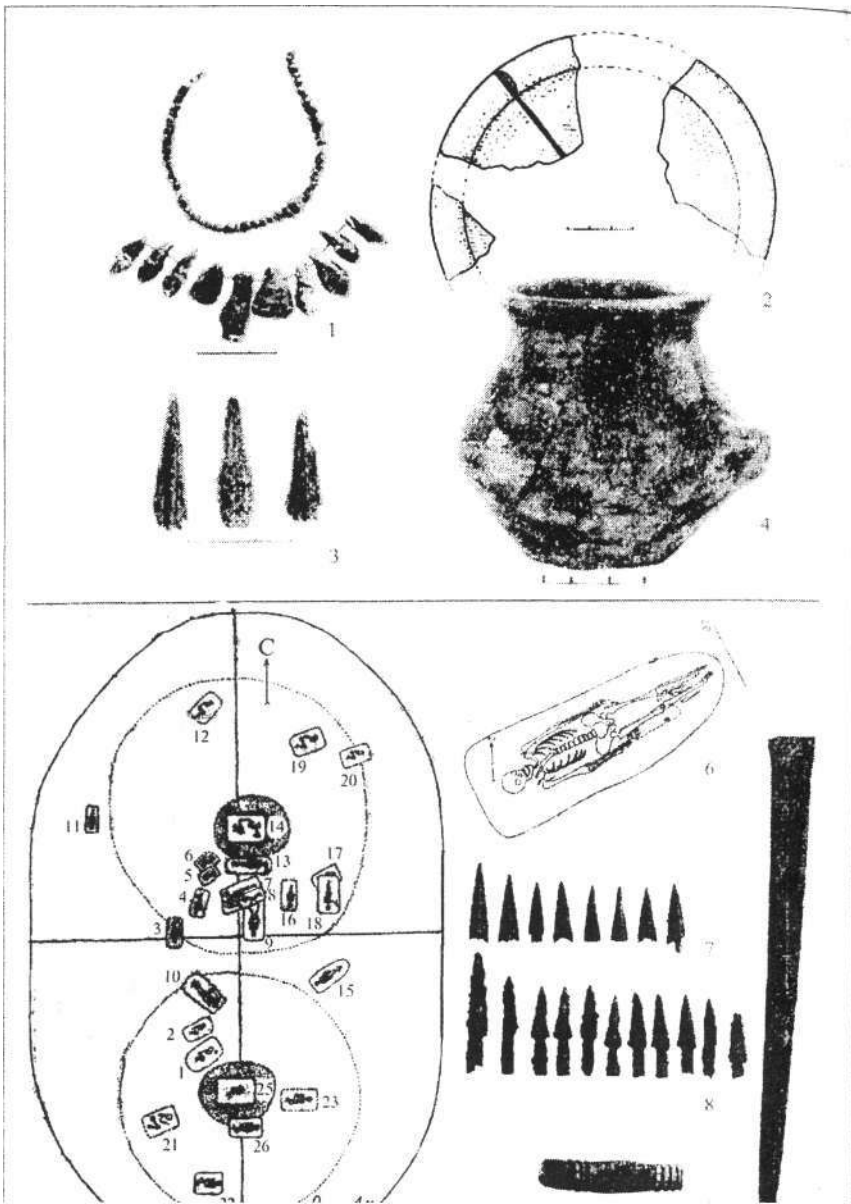
Бережновка II. Курган 85. Погребение 2. Погребение раскопано в 1955 г. экспедицией под руководством И. В. Сеницына (Сеницын 1960: 86). Оно располагалось в юго-восточном секторе кургана. Погребение было совершено в яме прямоугольной формы. На дне лежал скелет женщины, на спине, вытянуто, головой на ЮЗ. Вокруг шейных позвонков и на груди – около 70 разнообразных стеклянных бус от ожерелья. Среди них имелись мелкие плоские, округлые, семь штук крупных продолговатых, с утолщенной серединой и конусовидным концом, две пирамидальной и одна бутылкообразной формы (Рис. 4, 1). Около правого колена находилось глиняное пряслице конусовидной формы и куски разбитого бронзового зеркала с широ-

ким овальным ободком по краю. Диаметр диска 15,5 см (Рис. 4, 2). Рядом с обломками зеркала лежало три бронзовых трехгранных втульчатых наконечника стрел (Рис. 4, 3). Между ног, около пяток, стоял глиняный лепной горшок (Рис. 4, 4), поверхность его темно-серая, лощеная. На одной стороне была ручка, утраченная в древности. Высота горшка – 8,5 см, диаметр устья – 6 см, диаметр дна – 4 см.

Вывод. Определяющим в этом комплексе являются не бронзовые наконечники стрел (они могли быть украшением несохранившегося мешочка, в котором лежали фрагменты разбитого зеркала вместе с пряслищем), а форма бронзового зеркала с валиком по краю. Она весьма характерна для зеркал конца II – I вв. до н.э. и

Рис. 4. 1-4 - Бережновка II. Курган 85. Погребение 2. 1 - около 70 экземпляров бус разных типов; 2 - фрагменты бронзового зеркала с валиком по краю; 3 - бронзовые базисные трехлопастные наконечники стрел; 4 - темно-серый лощеный сосуд с отбитой ручкой.

5-10 - Ровное. Курган 4. Погребение 15.5 - план кургана; 6 - план погребения в яме № 15; 7 - восемь экземпляров бронзовых трехгранных втульчатых наконечников стрел; 8 - одиннадцать экземпляров железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел; 9 - костяная трубочка, орнаментированная нарезками; 10 - костяная проколка с заполированным острым концом.

бения, инвентарь которых может быть датирован в пределах V-IV вв. до н.э. Стратиграфически они располагаются между полами древних курганов под центром новой насыпи. К ним относятся погребения 3, 4, 9, 10, 15, 16, 18. К числу хроноиндикаторов V-IV вв. до н.э. относятся лепной глиняный кувшин с орнаментом в виде когтей птицы из погребения 3 (Синицын 1966: 36. Рис. 9, 1), плоскодонные сосуды из погребений 4 и 10 (Синицын 1966: 36. Рис. 9: 3, 4), бусы, пряслице, золотая височная подвеска и массивные втульчатые с выступающей втулкой трехгранные железные наконечники стрел из погребения 9 (Синицын 1966: 39. Рис. 11, 9-12). Лишь позднее в центр кургана последовательно были впущены погребения 8 и 7, которые перекрыли погребение 9. Показательно, что погребение 7, самое позднее в кургане, содержало в инвентаре колчаный набор, состоящий только из сарматских железных черешковых наконечников стрел. Судя по всему, это погребение может быть датировано II-I вв. до н.э. Такое распределение комплексов в данном кургане не позволяет вырвать погребение 15 из общего контекста и датировать его III в. до н.э.

Калиновка. Курган 19. Погребение 17. Курган раскопан в 1952 г. Калиновским отрядом Сталинградской экспедиции под руководством 8. П. Шилова (Шилов 1959: 370-378). Следует отметить, что данный курган располагался в обособленной группе, отстоящей к югу от края основного ядра могильника на расстоянии 0,5 км (Шилов 1959:325, рис. 2). В состав этой группы входят курганы № 19, 39-41, 44, содержавшие, по мнению В. П. Шилова, лишь погребения средне- и позднесарматского времени. Исключение составляет курган 19, основное погребение которого (№ 22) относится к срубной культуре (Рис. 5, А).

Погребение 17 (Рис. 5, В, Е) открыто под погребениями 6, 13 и 22. Это была катакомбная могила. На дне лежал костяк мужчины, на спине, вытянуто, головой на Ю.

В изголовье найдены кости 2 ног и лопатка барана, целый железный нож (Рис. 5, Е, 8) с остатками деревянной рукоятки. В юго-западном углу подбоя стоял лепной лощеный сосуд (Рис. 5, Е, 4). Под правой лопаткой костяка человека найден обломок плоского зеркала с боковой рукояткой (Рис. 5, Е, 1). У левого предплечья была обнаружена костяная трубочка (ворворка?) с валикообразно утолщенным концом (Рис. 5, Е, 7). Вдоль правого бедра лежал в деревянных ножнах, плашмя, железный кинжал (Рис. 5, Е, 3). Рядом обнаружен в деревянных ножнах массивный железный меч длиной 1,04 м (Рис. 5, Е, 2). Возле острия меча находился обломок оселка с отверстием для подвешивания (Рис. 5, Е, 6). У правой голени лежал обломок плиты песчаника (Рис. 5, Е, 5), а у левой — найдены: кусок серы, брусочек мела со следами сквозно-

го отверстия и обработки; обломок массивного железного шила (?) с деревянной рукояткой (Рис. 5, Е, 10); осколок гальки, обломок железного ножичка (Рис. 5, Е, 9), несколько трехпалых черешковых железных наконечников стрел, мелкие кусочки дерева.

Поскольку в рассуждениях В. М. Клепикова большое внимание уделяется стратиграфическим наблюдениям, позволяющим относить погребение 17 к III в. до н.э., рассмотрим внимательней описания погребений № 13 и 6¹³.

Погребение 13 (Рис. 5, D, E) найдено в центре кургана. Прямоугольная могильная яма в южном конце нарушена колодцем более ранней подбойной могилы 17. На дне могилы лежал скелет женщины, на спине, вытянуто, головой на Ю. У левого плеча встречена деревянная орнаментированная ручка зеркала (Рис. 5, D, 2). Рядом лежали 3 обломка зеркала диаметром 13,2 см. Зеркало хранилось в деревянном футляре, остатки которого обнаружены рядом (Рис. 5, D, 1). Слева от костяка, напротив бедра, найдены кости передней ноги барана и лопатка, лежавшие в анатомическом порядке. На лопатке барана находились 2 фрагмента небольшого железного ножичка со следами деревянной рукоятки.

Погребение 6 (Рис. 5, С) обнаружено в юго-восточном секторе, на глубине 1,15 м. Яма прослежена только в области ног; размеры ее установить не удалось. Мужской костяк положен на спине, вытянуто, головой на ЮЮВ. Часть ребер и фаланги рук и ног растащены грызунами. В ногах лежал на боку лепной горшок (Рис. 5, С, 1).

Вывод. Соотношение погребений 17 и 13 не производит впечатления случайного попадания поздней могилы в более раннее погребальное сооружение (Рис. 5, Е). Прямоугольная яма погребения 13 достаточно точно повторяет пропорции входной ямы катакомбы 17. Скорее всего, мы имеем дело с подзахоронением женщины в могилу мужа спустя некоторое время. В этом отношении датировка рубежом II-I вв. до н.э. зеркала бактрийского типа из погребения 13 хорошо согласуется с таким предположением¹⁴. Что касается плоского бронзового зеркала из погребения 17, то оно имеет точнейшую аналогию в инвентаре погребения кургана 2 Прохоровского могильника.

Бережновка II. Курган 14. Погребение 21. Курган раскопан в 1954 г. Заволжским отрядом Сталинградской экспедиции под руководством И. В. Синицына (Синицын 1960:22-30). Парное погребение 21 было впущено в северо-западный сектор кургана (Рис. 6, А).

Могила прямоугольно-удлиненной формы, ориентирована по линии С-Ю (Рис. 6, В). На дне

¹³ Погребение 22 было основным в этом кургане и относится к эпохе бронзы.

¹⁴ О типологии и датировке зеркал бактрийского типа см.: Горбунова 1998:283-296.

могилы - коллективное захоронение: мужчина, женщина и ребенок. Вдоль восточной стенки лежал скелет мужчины на спине. Около черепа с левой стороны находилось большое зеркало с деревянной ручкой с резным орнаментом. По краю диска с одной стороны имеется широкий овалный ободок (Рис. 6, В, 1).

Рядом с костяком мужчины лежал скелет молодой женщины, также на спине, вытянуто, головой на Ю, кисть правой руки помещалась на бедре правой ноги, левой - на тазовой кости. На средних пальцах надеты золотые перстни, сделанные из тонкого листа. Они имеют круглый выпуклый щиток с двумя узкими полосками, заходящими друг на друга концами (Рис. 6, В, 2). Между черепом женского скелета и южной стенкой стоял глиняный кувшин темно-оранжевого цвета с округлыми боками, слабо

выраженным дном, высоким горлом и несколько отогнутым наружу венчиком. Вокруг горла и по плечикам горшка прочерчены параллельно в два ряда горизонтально расположенные линии (Рис. 6, В, 3). Глина содержит много примесей шамота, черепок в изломе черный, легко крошится. Рядом с женским скелетом, в ногах, вдоль западной стенки лежал скелет ребенка лет 7-8, на спине, вытянуто, головой на С. Вдоль северной стенки могилы, в ногах погребенных, находились кости овцы - ноги, ребра. Дно покрыто темно-коричневым слоем перегноя от подстилки.

Как в случае с предшествующим курганом, здесь также имело место стратиграфическое напластование погребений. Могила 20 задела южную стенку погребения 21. Приведу здесь описание этого погребения.

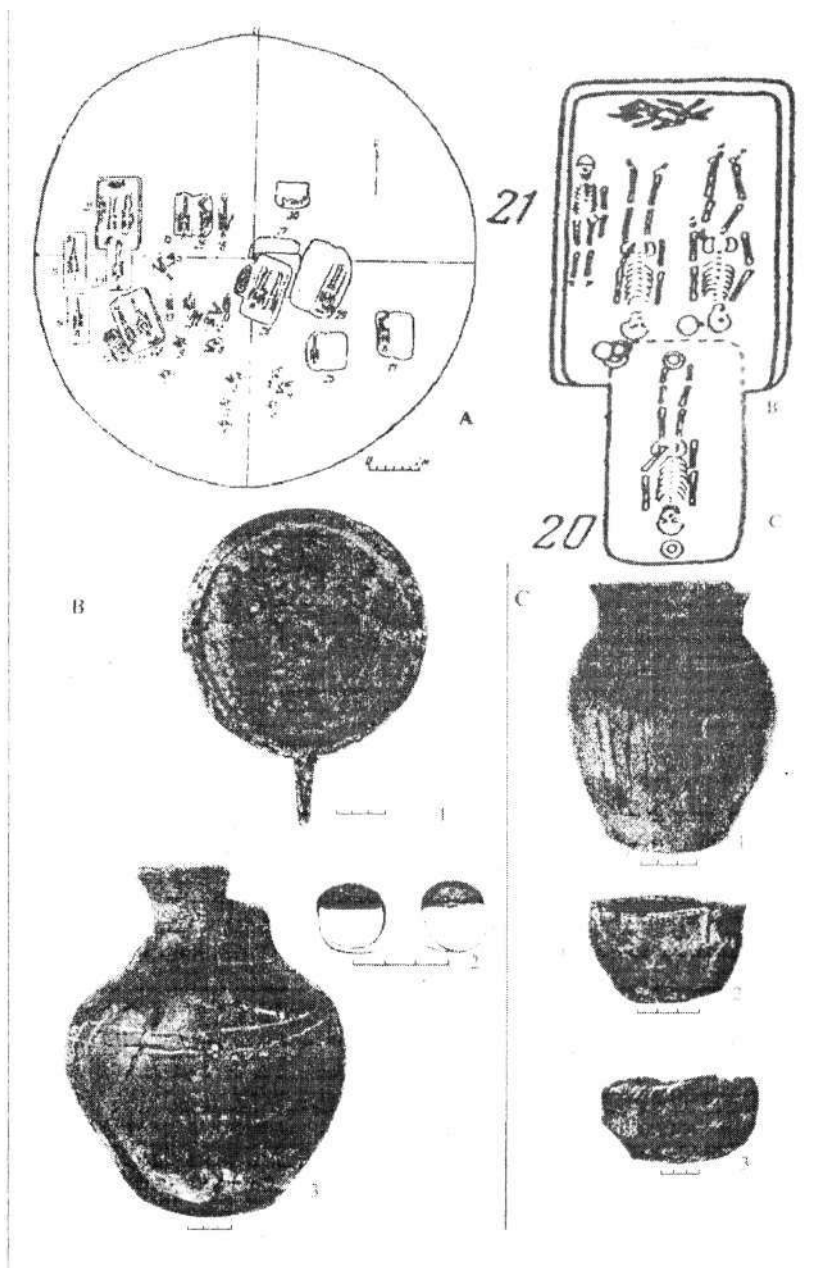
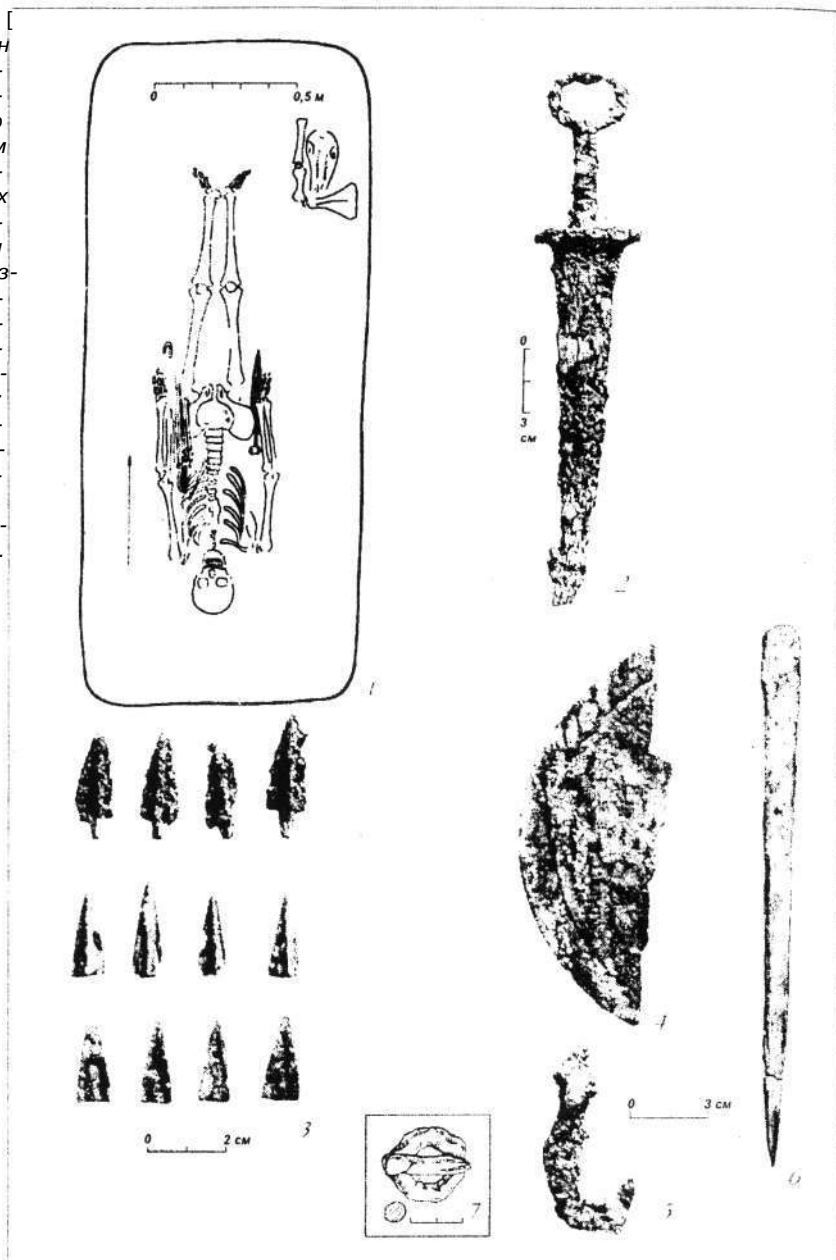

Рис. 6. Бережновка II Курган 14. А - план кургана; В - погребение 21: 1 - бронзовое зеркало с валиком по краю и штырем-рукояткой; 2 - золотые перстни из листового золота; 3 - темно-оранжевый лепной сосуд с высоким горлом и отогнутым венчиком; С - впускное погребение 20: 1 - лепной сосуд с плавно выпуклыми боками и резко отогнутым венчиком; 2 - глиняная курильница; 3 - глиняная курильница, орнаментированная косыми нарезками.

Рис. 7. 1-6 - Бережновка. Южная группа. Курган 2. Погребение 11. 1 - план погребения; 2 - кинжал сусловского типа с кольцевидным навершием; 3 - образцы девяти бронзовых базисных трехлопастных втульчатых и двадцати трех железных трехгранных черешковых наконечников стрел; 4 - обломок бронзового зеркала с валиком по краю; 5 - железный колчаный крючок; 6 - костяная проколка; 7 - Джангала. Курган 4. Погребение 2. Железная пряжка с язычком.

Погребение № 20 расположено в яме прямоугольной формы, ориентированной по линии С-Ю. Своим северным концом она срезала южный край могилы № 21 (Рис. 6, С). В могиле лежал скелет женщины на спине, вытянуто, головой на Ю. Около черепа стоял глиняный сосуд цилиндрической формы с валиками по краю и в середине, орнаментированными косыми нарезками. (Рис. 6, С, 3). Внутри его стояла курильница, также цилиндрической формы, с несколько выпуклыми боками (Рис. 6, С, 2). Около сосуда находились: глиняное пряслице конусовидной формы и кусок реальгара. Между ног у колен лежали кости овцы - нога с лопаткой. У ступней ног - глиняный сосуд с плавными выпуклыми боками, невысокой шейкой и резко отогнутым краем венчика. По плечикам - гори-

зонтальная желобчатая линия, ниже которой по стенкам прочерченные линии, вертикально опускающиеся сверху вниз (Рис. 6, С, 1).

Вывод. В инвентаре обоих погребений нет никаких находок, которые могли бы указать на дату ранее II-I вв. до н.э.

Бережновка. Южная группа. Курган 2. Погребение 11. Погребение было раскопано в 1952 г. экспедицией под руководством И. В. Синицына (Синицын 1959: 115-116). Погребение было совершено в яме, ориентированной с севера на юг (Рис. 7, 1). В могиле был погребен мужчина на спине вытянуто головой на юг. Справа между тазом и рукой находился короткий железный кинжал. Кинжал имел кольцевое навершие и прямое перекрестие (Рис. 7, 2). На левом боку у локтя находились 9 трехгранных

втульчатых бронзовых и 23 трехгранных черешковых железных наконечников стрел (Рис. 7, 3). Стрелы лежали так, что острия были направлены вверх. Здесь же находилась часть разбитого бронзового зеркала (Рис. 7, 4) с широким овальным ободком по краю. Над зеркалом и наконечниками находилась костяная проколка (Рис. 7, 6) с острым отполированным концом и продольным отверстием на другом конце (верхняя часть предмета распалась). Длина проколки - 20 см. Ниже кисти руки, около левого бедра, лежал железный крючок, по-видимому, от колчана (Рис. 7, 5). Справа у стенки, на уровне колен, находились череп барана и передняя нога с лопаткой. Дно было покрыто темно-серым слоем перегноя от подстилки. И. В. Синицын датировал это погребение в пределах IV-II вв. до н.э. на основании факта находки бронзовых втульчатых наконечников стрел, отметив при этом как параллель, что «в прежних раскопках в Заволжье меч с кольцевидным навершием однажды был обнаружен вместе с мечом прохоровского типа» (Синицын 1952: 68. Рис. 27: 4, 5).

Вывод. То, что казалось в 1952 г. уникальным, позже сделалось довольно распространенным явлением при раскопках сарматских памятников, о чем еще будет далее речь. Однако во всех случаях нахождения мечей и кинжалов с кольцевым навершием практически все эти комплексы датируются не ранее рубежа II-I вв. до н.э.

Джангала. Курган 4. Погребение 2, 3. В. М. Клепиков и А. С. Скрипкин, вслед за М. Г. Мошковой (Мошкова 1963: 15. № 15), указывают, что они имеют в виду курган, раскопанный в 1948 г. И. В. Синицыным у озера Сары-Айдин (Сарайдин, по Мошковой). Но это совершенно не так, поскольку развезенный курган 4 у этого озера содержал лишь безынвентарное погребение эпохи бронзы (Синицын 1956: 120-121). Судя по данным Свода памятников прохоровской культуры, эти исследователи имеют в виду погребения, раскопанные тогда же И. В. Синицыным в могильнике, который он назвал Джангала (Новая Казанка). В публикации материалов этих раскопок Синицын не приводит никаких графических иллюстраций, относящихся к материалам кургана 4. В 1963 г. М. Г. Мошкова опубликовала только рисунок железной пряжки из погребения 2 кургана 4, ошибочно связав его с вышеупомянутым курганом у озера Сары-Айдин.

И. В. Синицын указывал, что курган 4 могильника Джангала (Новая Казанка) был развезен, но до этого имел диаметр около 15 м. В нем он расчистил три погребения, из которых погребение 2, вероятнее всего, было основным. Приведу описание погребений этого кургана по И. В. Синицыну.

Погребение № 1 являлось впускным и было расположено выше остальных двух. В процессе развезания песка положение скелета было

нарушено: кости опустились ниже их первоначального захоронения и в значительной части перемешались. Среди костей находились обломки железного кольца, остатки сильно разложившегося железного ножа и каких-то других железных предметов.

Погребение № 2 расположено на расстоянии 1 м от первого, с южной его стороны. Скелет мужчины лежал на спине, вытянуто, головой на юг, руки несколько согнуты в локтях. Около левого плеча помещался глиняный толсто-стенный горшок ручной формовки с плоским дном. Стенки горшка несколько выпуклые, невысокое горло с отогнутым венчиком наружу. Выше локтя левой руки погребенного лежал бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы. С правой стороны, на животе, рядом с тазовой костью, помещалась сильно сдвинутая небольшая железная пряжка с железным язычком (Рис. 7, 7). У правого бедра, ниже кисти руки, находились кости овцы - лопатка, часть передней ноги. Здесь же лежал железный однолезвийный нож (в обломках) длиной до 12 см.

Погребение № 3 расположено на расстоянии 2 м от погребения № 2 с юго-восточной стороны. Мужской скелет юношеского возраста лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на юг. У кисти левой руки находился трехгранный с выступающей втулкой наконечник стрелы. В ногах, около ступни правой ноги, помещался скелет обезглавленного барана.

Вывод. Совершенно очевидно, что В. М. Клепиков и А. С. Скрипкин, не разобравшись как следует с источниковедческой путаницей в Своде памятников 1963 г., ошибочно внесли в свой список памятников III в. до н.э. курган 4 у с. Джангала. Сказать что-либо о хронологической позиции погребений из этого кургана, к сожалению, невозможно из-за малочисленности и плохой опубликованности материала.

Приведенные примеры наглядно показывают, насколько слабо выглядят аргументы в пользу существования памятников III в. до н.э. в Поволжье. Собранные Клепиковым и Скрипкиным комплексы бедны инвентарем и малоинформативны. Часть их внесена в список памятников явно ошибочно. Большая часть комплексов до сих пор не введена в научный оборот и недоступна для критического анализа. Но даже если мы признаем а priori, что какая-то часть этих комплексов действительно относится к III в. до н.э., мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Эти невзрачные и бедные комплексы, которые разительно отличаются от памятников IV в. до н.э., являются прототипами для всей прохоровской культуры II в. до н.э. и служат прототипами для собственно прохоровских погребений южной группы этого могильника. Доказать такой тезис, я думаю, будет еще труднее, чем отсутствие памятников III в. до н.э. - ведь иначе нельзя интерпретировать эту картину, если признавать правильность дат, предло-

женных мной для Прохоровки.

По поводу методики определения памятников III в. до н.э. мне хотелось бы сделать несколько замечаний. Отмечая еще во введении к своей работе проблематичность выделения памятников III в. до н.э., Клепиков, тем не менее, начинает свою работу не со сравнения комплексов IV-II вв. до н.э., а с перечисления выхваченных из контекста отдельных категорий находок, которым он придает статус хроноиндикаторов. При этом Клепиков совершенно забывает о том, что оперирует с датировками, характер которых определяется традиционной концепцией общности «савромато-сарматской» культуры, согласно которой III в. до н.э. являлся временем расцвета памятников прохоровского типа. Не устранив этого противоречия между этим обстоятельством и тезисом А. С. Скрипкина, предложившего разделять раннесарматские древности на две группы — IV-III и I-II вв. до н.э.¹⁵, В. М. Клепиков, на мой взгляд, допускает серьезную ошибку, которая изначально ставит его списки хроноиндикаторов под сомнение.

Исследовательский прием Клепикова был бы оправдан, если для анализа отдельных категорий инвентаря он попытался бы представить новое обоснование дат. Но этого, самого важного, хода Клепиков как раз и не делает. Он пользуется традиционными датировками, полностью полагаясь на них.

Приведу пример с типологией клинкового оружия. Речь идет об общеизвестной гипотезе эволюции скифских форм акинака через так называемые «переходные» формы к мечам и кинжалам прохоровского типа. Полностью разделяя эту традиционную точку зрения, Клепиков пишет: «Мечи с перекрестиями в виде сломанного под тупым углом или изогнутого в виде дуги бруска традиционно характеризуются как переходные между савроматскими акинаками с брусковидным навершием и крыловидным или узким бабочковидным перекрестием и классическими прохоровскими образцами с серповидным навершием и прямым перекрестием» (Клепиков 1998: 8).

В одной из своих работ я уже достаточно подробно разобрал вопрос об аргументированности гипотезы, которую Клепиков целиком принимает на веру. Основные выводы, к которым пришел я, сводятся к следующему:

1. Клинковое оружие так называемых «переходных» и прохоровского типов не встречается ни в одном из известных науке комплексов.

2. Мечи и кинжалы «переходных» типов встречаются в комплексах, инвентарь которых датируется в пределах V- начала IV вв. до н.э., в то время как мечи и кинжалы прохоровского

¹⁵ Именно такого разграничения хронологических групп придерживается Клепиков, излагая взгляды Скрипкина. См.: Клепиков 1998:6.

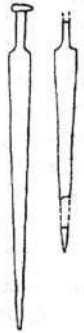

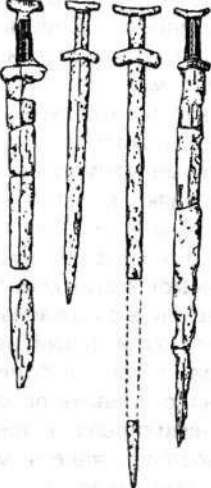

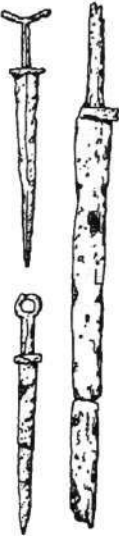
типа неизвестны в комплексах ранее II в. до н.э.

3. Идея трансформации «переходных» типов мечей и кинжалов в прохоровские основывается лишь на формальной близости их внешнего облика и ничем более не подтверждается (Зуев 1998а: 143-150).

Любопытно отметить, что в работе Клепикова эти выводы находят полное подтверждение. Для своей диссертации он разработал новую типологическую схему клинкового оружия IV-I вв. до н.э., у которой, «вопреки традиции, в основу выделения четырех отделов была положена форма перекрестия». Первый отдел образуют мечи синдо-меотских типов, у которых отсутствует перекрестье. Второй отдел представлен клинками с фигурными перекрестьями. Третий отдел составляют мечи и кинжалы «переходных» типов. Четвертый - мечи и кинжалы с прямым перекрестьем. По формам наверший клинков Клепиков подразделяет свои отделы по типам. Хронологически распределяя мечи и кинжалы IV-I вв. до н.э. по методу «захватых» датировок, Клепиков рисует следующую картину: «Список вещей IV-III вв. до н.э., неизвестных в хорошо датированных памятниках II-I вв. до н.э., может быть представлен следующей номенклатурой: 1) мечи и кинжалы 1 и 2 типов I отдела, все типы мечей II и III отделов и 1 типа IV отдела. ...Список вещей, известных в датированных комплексах II-I вв. до н.э., которые могли появиться в погребениях IV в. до н.э. (выделено мной - В. З.): 1) мечи и кинжалы 3 типа I отдела, 2, 3 и 4 типов IV отдела» (Клепиков 1998: 15). Если представить выводы Клепикова в виде таблицы (Рис. 8), то мы получим наглядное подтверждение тезиса о несовместимости мечей и кинжалов прохоровского типа с клинками «переходных» типов. Правда, этому вроде бы противоречат мечи и кинжалы 1 типа IV отдела, о которых Клепиков пишет: «Исключение составляют мечи с прямым навершием и прямым перекрестием (1 тип), появившиеся в IV в. до н.э. и получившие распространение на рубеже IV-III вв. до н.э.» (Клепиков 1998: 9). Однако здесь он допускает серьезную передержку. Дело в том, что кинжал такого типа найден в закрытом археологическом комплексе, который относили к рубежу IV-III вв. до н.э., всего лишь один раз и происходит из кургана 2 у дер. Прохоровки (что в Южном Приуралье), который в действительности датируется как раз рубежом II-I вв. до н.э. Перенеся этот кинжал на рисунке 8 в группу клинков прохоровского типа, мы получим реальный отрыв клинков V-IV до н.э. от клинков II-I вв. до н.э., причем хронологическая лакуна между ними падает как раз на III в. до н.э.

Другим примером слабости исходных позиций Клепикова в вопросе о категориях инвентаря, имеющего статус хроноиндикатора, является чрезвычайно распространенное мнение о том, что бронзовые втульчатые наконечники

Рис. 8. Типологическая схема клинкового оружия IV-I вв. до н.э. по В. М. Клепикову с корректировкой хронологической позиции кинжала 1 типа IV отдела.

отделы ДАТЫ	I ОТДЕЛ	II ОТДЕЛ	III ОТДЕЛ	IV ОТДЕЛ
IV - (III) ВВ. ДО Н.Э.				
II - I ВВ. ДО Н.Э.				

стрел не встречаются в памятниках II-I вв. до н.э. Приведенных выше примеров, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы, как минимум, усомниться в правомерности этого тезиса.

Следует отметить, что по этому вопросу нет единства во мнении и у В. М. Клепикова и А. С. Скрипкина. Если первый из них просто уверен в справедливости данного тезиса, то позиция А. С. Скрипкина лишена определенности. В работе, опубликованной в 1997 г. совместно с В. М. Клепиковым, Скрипкин вроде бы тоже разделяет этот тезис¹⁶. Но в своей книге, также вышедшей в 1997 г., Скрипкин высказывает однозначно противоположную точку зрения о

времени бытования бронзовых наконечников стрел. **«Бронзовые наконечники - пишет он, - доживают до II в. до н.э., то есть по старой дате практически до конца прохоровской культуры»** (выделено мной - В. З.)» (Скрипкин 1997: 17).

Упорное повторение тезиса о том, что «бронзовые наконечники стрел практически отсутствуют в датированных комплексах II-I вв. до н.э.», приводит Клепикова к необходимости перенести многие поздние категории инвентаря, удревяя их дату. Так, на основании встречаемости подобных наконечников стрел с мечами и кинжалами, у которых имеется кольцевидное навершие, Клепиков вынужден писать о клинках сусловского типа как о «сформировавшихся

¹ См. приведенную выше цитату и комментарий.

ся к рубежу IV-III вв. до н.э. и бытующих в течении веков в сарматском наборе оружия»¹⁷.

Указанные противоречия только усиливают аргументацию в пользу того, что бронзовые наконечники стрел в комплексах Приуралья и Поволжья доживают практически до конца II в. до н.э. Точнее говоря, в памятниках этого времени мы встречаем бронзовые наконечники стрел совершенно определенного типа. Это треугольные по форме базисные экземпляры. Они достаточно хорошо выделяются в отдельную группу на фоне эклектичных по составу колчанных наборов V-IV вв. до н.э. Общее число таких бронзовых наконечников в этих комплексах не идет ни в какое сравнение с колчанными наборами V-IV вв. до н.э., где их насчитывается по несколько десятков (зачастую более сотни) штук в одном колчане. Мелкие по размерам бронзовые наконечники стрел встречаются в прохоровских погребениях с железными черешковыми наконечниками стрел, причем число последних значительно превосходит бронзовые экземпляры. В этом отношении заслуживают внимания случаи, когда бронзовые наконечники в могилах N-I вв. до н.э. находят воткнутыми в тела погребенных (Красногорский курган, п. 2; Белокаменка II, к. 7, п. 3). Во всяком случае, встречаемость этих наконечников с такими несомненно поздними элементами сарматской паноплии, как мечи с кольцевидным навершием, позволяет уверенно относить этот вариант трехлопастных бронзовых наконечников стрел к рубежу II-I вв. до н.э.¹⁸

Обратимся к перечням так называемых «вещей-определителей» памятников III в. до н.э., предложенным в диссертации В. М. Клепикова. Перечни эти он получает в результате анализа большого списка категорий находок IV-I вв. до н.э., в который входят различные по типам мечи и кинжалы, наконечники копий, наконечники стрел, посуда, конское снаряжение, зеркала, различные орудия труда (ножи, оселки, пряслица, костяные проколки, каменные плитки, молоточки), костяные ложки, портупейная гарнитура и украшения. На основании хронологического распределения этих находок Клепиков составляет перечень из двадцати двух типов вещей «IV-III вв. до н.э., неизвестных в хорошо датированных памятниках II-I вв. до н.э.» и перечень из восьми типов «вещей, известных в датированных комплексах II-I вв. до н.э., которые могли появиться и в III в. до н.э., но не представлены в погребениях IV в. до н.э.» (Клепиков

¹⁷ Клепиков. 1998: 8-9. Это положение, кстати, полностью противоречит собственному выводу Клепикова, когда он пишет во второй главе своей диссертации о том, что мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем (3 типа IV отдела) «известны в датированных комплексах II-I вв. до н.э., ... могли появиться и в III в. до н.э., но не представлены в погребениях IV в. до н.э.» (Клепиков. 1998: 15).

¹⁸ См. об этом подробнее: Зуев 1998а: 143-150.

1998: 15). Весьма любопытно, что из всего списка категорий инвентаря IV-I вв. до н.э., только некоторые виды орудий труда (железные ножи, оселки, пряслица) встречаются в том и другом перечне и, следовательно, существуют без сбоев на всем протяжении существования «единой раннесарматской культуры IV-I вв. до н.э.». Уже это одно наблюдение приводит разработки Клепикова к непреодолимому логическому противоречию (Таблица 1 и 2).

Таблица 1 (вариант а)

века	инвентарный набор комплексов (типы - признаки культуры)
IV	а, б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м
III	}, ,, ,
II	б, с, d, e, f, ж, /с, /, т, п, о

Таблица 2 (вариант б)

века	инвентарный набор комплексов (типы - признаки культуры)
IV	а, б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м
III	?, ?, ?, ?, ж, ?, ?, ?, ?
II	б, с, d, e, f, ж, к, l, т, п, о

После того как В.М.Клепиков сравнил составы комплексов IV и II-I вв. до н.э. и получил столь разительный контраст «на входе» и «выходе» при прохождении раннесарматской культуры сквозь «темный III век», ему ничего другого не остается, как признать либо отсутствие единой линии эволюционного развития раннесарматской культуры (варианта), либо выделить и реально обосновать для III в. до н.э. особый этап этой культуры, на котором происходит столь значительная ее мутация (вариант б).

В. М. Клепиков вместе с А. С. Скрипкиным попытались в докладе на конференции в Ростове-на-Дону в 1997 г. обосновать третий вариант решения «проблемы III в. до н.э.»: раннесарматская культура едина с IV по I вв. до н.э.; хронологического hiatus нет; памятники III в. до н.э. выделяются путем сопоставления разновременных признаков (Клепиков, Скрипкин 1997: 28-40).

По их мнению, с начала II в. до н.э. в погребениях раннесарматской культуры не встречаются:

- 1) бронзовые наконечники стрел;
- 2) бронзовые ворворки, служившие, вероятно, окончаниями портупейных ремней;
- 3) глиняная посуда с примесью талька в тесте.

Где-то в II в. до н.э. (неопределенно), но никак не в IV в. до н.э. (уже точно) в погребениях раннесарматской культуры начинают встречаться:

- 1) мечи с прямым перекрестьем и серповидным навершием;
- 2) железные черешковые наконечники стрел;
- 3) зеркала с валиком по краю диска и руч-

кой-штырем;

4) костяные полированные проколки;

5) лепные горшки с орнаментом в виде вертикальных пучков линий;

6) стеклянные бусы с внутренней позолотой;

7) гешировые дисковидные бусы.

Спрашивается, что же мешает исключить III в. до н.э. из хронологической периодизации, констатируя полное отсутствие памятников этого столетия в Приуралье и Поволжье? Ведь бронзовые ворворки действительно исчезают в Приуралье и Поволжье в конце IV в. до н.э. То же следует пока сказать и о керамике с примесями талька в тесте, которая, правда, может и не иметь вовсе «узкой» археологической даты¹⁹. Это относится и к бронзовым базисным подтреугольной формы втульчатым наконечникам стрел, поскольку они достаточно хорошо известны в ряде погребений рубежа II-I вв. до н.э. Поскольку семь других «вещей-определителей» из второй группы хронологических индикаторов III в. до н.э. не встречаются в Поволжье и Приуралье в памятниках IV в. до н.э. (а выделенные по другим признакам комплексы III в. до н.э. нам неизвестны), то на основании этих признаков невозможно датировать погребальные комплексы III в. до н.э. Более того, в эволюции наконечников копий, посуды, конской упряжи, зеркал, костяных ложечек, каменных блюдец и плиток, портупейной гарнитуре и укра-

шениях, судя по данным диссертации Клепикова, III в. до н.э. предстает либо непреодолимой преградой, либо на это время приходится ошутимый сбой традиции, после которого в этих категориях инвентаря появляются совершенно новые типы. Не противоречит этому выводу и стратиграфические наблюдения самих авторов. Согласно им, выделяемые погребения (как памятники III в. до н.э.) в большинстве случаев встречаются в одном кургане с комплексами II-I вв. до н.э.

Все сказанное здесь свидетельствует о том, что единственным препятствием возможности полного исключения III в. до н.э. из хронологии памятников Приуралья и Поволжья являются лишь старая система периодизации, основанная на идее непрерывно-эволюционного перерастания «савроматской» культуры в раннесарматскую (прохоровскую), и твердая убежденность в том, что прохоровская культура должна существовать в Приуралье и Поволжье с рубежа IV-III вв. до н.э., поскольку ее памятники оставлены «ранними сарматами» - разрушителями Скифии. Но эти препятствия на деле легко устранимы при корректировке датировок и создании новой хронологической системы, для чего необходимо вновь тщательно сопоставить археологические комплексы, сравнив их с теми памятниками, которые взяты «за точку отсчета» при проведении этой работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам А.Н. 1940. Кенкольский могильник. Л. - (Археологические экспедиции Эрмитажа. Вып. II)
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3.
- Горбунова Н. Г. 1998. Об одном типе бронзовых зеркал («бактрийские»? «сарматские»?) // Археологические вести. СПб., Вып. 5.
- Граков Б.Н. 1947. Гичпкокроспбцеуог (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3.
- Железчиков Б.Ф. 1994. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск I. Савроматская эпоха. М.
- Железчиков Б.Ф. 1997. Памятники IV-III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II. Раннесарматская культура. М.
- Заднепровский Ю.А., Лубо-Лесниченко Е.И. 1992. Чавухугоу III — памятник номадов Синьцзяна хунно-сарматского периода // Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент.
- Зуев В.Ю. 1998. Прохоровские курганы в контексте проблем хронологии раннесарматской (Прохоровской) культуры // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. К 90-летию со дня рождения. СПб.
- Зуев В.Ю. 1998а. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология: оружие и военное дело в исторической перспективе. Материалы Международной конференции. СПб.
- Зуев В.Ю. 1998б. Периодизация археологических памятников центральной части Евразийского пояса степей I тыс. до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора М. И. Артамонова. 9-12 декабря 1998г. СПб.*
- Зуев В.Ю. 1998в. Раннесарматская культура IV-III вв. до н.э. Статистический феномен и археологическая реальность. СПб.
- Зуев В.Ю. 1999. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореферат дисс. ...к.и.н. СПб.
- Зуев В.Ю. 1999а. Вотивный кинжал из первого кургана у дер. Прохоровки // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов шестого семинара. СПб.
- Клепиков В.М. 1998. Сарматы IV-III вв. до н.э. в Поволжье и Волго-Донском междуречье. Автореферат дисс... к.и.н. Волгоград.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С. 1997. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия. Сборник научных трудов III международной конференции «Проблемы сар-

¹⁹ Согласно устному сообщению И В. Сергацкова, в Нижнем Поволжье имеется ряд комплексов, где керамика с тальком в тесте встречается с железными мечами и кинжалами прохоровского типа. Данное сообщение ставит под сомнение категоричный вывод В. М. Клепикова о том, что керамика с тальком в тесте неизвестна в памятниках II в. до н.э. Материал этот остается пока неопубликованным, но требует к себе самого пристального внимания.

- матской археологии и истории», посвященной памяти Константина Федоровича Смирнова. Азов. - (Донские древности. Вып. 5).
- Медведев А.П. 1997. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Сарматы и Скифия. Сборник научных трудов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной памяти Константина Федоровича Смирнова. Азов. - (Донские древности. Вып. 5).
- Мошкова М.Г. 1963. Памятники прохоровской культуры. М. - (Археология СССР. Свод археологических источников. Серия Д 1-10).
- Мошкова М.Г. 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. - (МИА № 153).
- Мошкова М.Г. 1997. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К. Ф. Смирнова // Сарматы и Скифия. Сборник научных трудов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной памяти Константина Федоровича Смирнова. Азов. - (Донские древности. Вып. 5).
- Полин С.В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Пшеничник А.Х. 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- РСК. 1997. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II. Раннесарматская культура. М.
- Рыков П.С. 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет) // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском гос. Университете. Саратов. Т. 1.
- Синицын И.В. 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов. Т. 17.
- Синицын И.В. 1952. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. 45.
- Синицын И.В. 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане [1948-1950 гг.] // Труды Института истории, археологии и Этнографии АН Каз. ССР. Алма-Ата. Т. 1.
- Синицын И.В. 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // Памятники Нижнего Поволжья. М. Т. 1. - (МИА. № 60).
- Синицын И.В. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // Памятники Нижнего Поволжья. М. Т. 2. - (МИА. № 78).
- Синицын И.В. 1966. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов.
- Скрипкин А.С. 1990. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Скрипкин А.С. 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный в качестве дисс.... д.и.н. М.
- Скрипкин А.С. 1992 а. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.
- Скрипкин А.С. 1994. К определению понятия «сарматская эпоха» // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной научной конференции 13-16 сентября 1994 г. Волгоград.
- Скрипкин А.С. 1994 а. Сарматский феномен // Проблемы всеобщей истории. Волгоград.
- Скрипкин А.С. 1997. Эпюды по истории и культуре сарматов. Учебное пособие. Волгоград.
- Скрипкин А.С. 1997 а. История археологического изучения раннесарматской культуры. 2. Памятники III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II. Раннесарматская культура. М.
- Скрипкин А.С. 1997 б. Анализ сарматских погребальных памятников III-I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II. Раннесарматская культура. М.
- Шилов В.П. 1959. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. М. Т. 1. - (МИА. № 60).